

Тареев М. М. Критика экономического учения Маркса: Из исследования «Социализм (нравственность и хозяйство)» // Богословский вестник 1912. Т. 3. № 9. С. 1–37 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Критика экономического учения Маркса ¹⁾.

Изъ изслѣдованія „Соціализмъ (нравственность и хозяйство“).

III.

Экономическое учение Маркса.

Отмѣтивъ въ системѣ научнаго социализма наличность утопическаго элемента, какъ слабой стороны социологическаго построения ²⁾, мы еще мало сдѣлали для критики научно-

¹⁾ Продолженіе. См. июль—авг.

²⁾ Ошибка коллективизма состоитъ въ томъ, что онъ абсолютируетъ одну изъ возможныхъ формъ народно-хозяйственной жизни. Шэффле и Ад. Вагнеръ, рекомендующіе совмѣстное примѣненіе трехъ формъ народно-хозяйственной организациі (по Шэффле: частно-хозяйственная—*die speculative, vom Privatinteresse des Kapitals getragene*, общественно-хозяйственная—*die öffentliche, staatlich-corporative, auf obrigkeitlicher Gewalt beruhende*, и благотворительная организациі—*die von freier Hingebung—Liberalität—bewirkte Organisation*; по Вагнеру: *privat-wirtschaftliche*, или *individualistische*,—*gemein*, именно *zwangsgemein-wirtschaftliche*, или *communistic-socialistische*, и *caritative*. Ср. Л. Штейна *Die soziale Frage im Lichte der Philosophie=Социальный вопросъ съ философской точки зрѣнія*—„смѣшанная форма хозяйства“—и Е. Sax *Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft*—двѣ формы: *Individualismus* и *Collectivismus*), высказываютъ дѣльные возраженія противъ всякаго абсолютированія въ этой области. Шэффле самый вопросъ, должно ли все народное хозяйство быть частно-хозяйственной или коллективистической организацией, находитъ ложнымъ: для каждой существуетъ своя область, каждая умѣстна и полезна въ своихъ предѣлахъ, всѣ три организациі предполагаютъ одна другую, опираются одна на другую. Придать одной изъ нихъ абсолютное и исключительное значеніе независимо отъ измѣняющихся запросовъ времени и отъ различнаго характера отдѣльныхъ областей народно-хозяйственной жизни, значило бы потерять всякую твердую почву подъ своими ногами. (*Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft: Alle drei Grundor-*

соціалстической системы, мы даже не затронули того, что самъ научный социализмъ считаетъ наиболѣе характернымъ въ себѣ. Значеніе, которое придается плану грядущаго общественаго строя, и картинность деталей плана, которыя и вызываютъ противъ себя возраженія, уменьшаются по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ участниковъ практическаго соціалдемократическаго движенія къ теоретикамъ социализма, а въ средѣ послѣднихъ—отъ второстепенныхъ сторонниковъ марксизма къ его главнѣйшимъ представителямъ. Въ эту сторону для марксистовъ остается полная возможность отступленія съ разбитыхъ позицій утолическаго про-

organisationen der wirksamsten Bedürfnissbefriedigung sind einander stützende und haltende Glieder eines grossartigen w(irthschaftlichen) Aufbaues der Gesellschaft. Keine Form ist Universalschablone volksw (irthschaftlicher) Verbindung, keine entzieht sich dem Gesez geschichtlicher Veränderung. *Alle* absoluten Lösungen, welche *nur* die eine oder die andere Form zum ausschliesslichen Gefäss des socialökonomischen Lebensinhaltes erheben wollen, statt jede unter ihren eigenthümlichen Voraussezungen und alle nebeneinander in ihrem specifischen Bereiche, jede *zeitgemäss*, anzuwenden, müssen im vorhinein verdächtig erscheinen und jede überstürzte Geltendmachung solcher Formen, für welche die Voraussezungen ihrer Reife noch nicht erzielt sind und ohne dass man auf die Erzielung dieser Vorbedingungen hinarbeitet, muss als verfehlt gelten!—*Bau und Leben des socialen Körpers* III: Aus den concreten Umständen jeder Zeit entscheidet es sich, ob die materielle Versorgung eines Bedürfnisses besser in der einen oder in der andern Form oder zu welchen Theilen sie in allen drei Formen stattfinden soll. Jede Zeit ändert hienach ihre sonderwirthschaftliche Stoffwechselorganization stückweise um. Durch Summirung dieser Aenderungen ergeben sich erst in grösseren Zeiträumen grosse Umbildungen. Plötzliche unvorbereitete Totalumwälzungen im Sinn der einen oder andern Form sind nicht möglich.—То же Вагнеръ *Grundlegung der politischen Oekonomie* (3 Aufl.) I § 297, 301, 302, II § 130: Ob und welche einzelne Zweige, namentlich der *materiellen* Production, mithin auch der zu ihrem Betrieb gehörigen, eventuell im Privateigenthum stehenden Objecte (Grundstücke, Kapitalien, Einrichtungen, Anstalten) den Privatwirthschaften zu entziehen und auf die Zwangsgemeinwirthschaften als Gemeineigenthum zu übertragen sind, das ist zwar nach der allgemeinen ökonomischen Natur und Function dieser Zweige, aber stets unter Berücksichtigung der concreten Umstände zu entscheiden. In letzterer Hinsicht ist die Frage eine eminent historische und örtlich verschieden sich gestaltende, gestaltet daher nur eine relative Beantwortung.. И весь второй томъ *Grundlegung* Вагнера, лучшее исследование о собственности, исходитъ изъ того основнаго тезиса, что въ юридическо-хозяйственной сферѣ ничего абсолютнаго быть не можетъ).

активированія: не только тѣ изъ марксистовъ, которые отказываются отъ конкретныхъ представленій грядущаго общественнаго строя, но и тѣ, которые въ чертахъ болѣе или менѣе яркихъ рисуютъ картину „будущаго государства“. Главное значеніе придаютъ наблюденіямъ надъ ходомъ историческаго развитія, доказательствамъ неизбежности наступленія новаго строя. Энгельсъ и самъ знаетъ, что „желанное совершается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ: по большей части цѣли, поставленныя себѣ людьми, приходятъ во взаимныя столкновенія и противорѣчія или оказываются недостижимыми, частью по своему существу, частью по недостатку средствъ“. Но онъ въ то же время убѣжденъ: „гдѣ на поверхности господствуетъ случайность, тамъ сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутреннимъ, скрытымъ законамъ. Все дѣло въ томъ, чтобы открыть эти законы“. Научный социализмъ это и дѣлаетъ, это и хочетъ сдѣлать. Открытію законовъ историческаго развитія онъ придаетъ главное значеніе. Онъ отвергаетъ ту мысль, что желанія людей могли бы сами по себѣ сыграть историческую роль. Человѣкъ можетъ лишь содѣйствовать исторически неизбежному, лишь облегчать муки рожденія новаго общественнаго строя,—его желанія и планы имѣютъ реальное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если они соответствуютъ историческому ходу. Мы теперь и должны рассмотреть то, что дѣлаетъ социализмъ научнымъ,—его доказательства исторической неизбежности появленія социалистическаго общества.

Это два основныхъ пункта въ теоріи марксизма: ученіе о прибавочной цѣнности и матеріалистическое пониманіе исторіи. Эти именно два пункта социалистической теоріи Энгельсъ въ *Антидюрингъ* называетъ двумя великими открытіями Маркса, сдѣлавшими социализмъ наукой ¹⁾.

Изъ этихъ двухъ основныхъ устоевъ научнаго социализма теорія прибавочной цѣнности, иначе—политико-экономическое ученіе съ примыкающей къ нему социально-политиче-

1) *Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*; Diese beiden grossen Entdeckungen: die materialistische Geschichtsauffassung und die Enthüllung des Geheimnisses der kapitalistischen Produktion vermittelt des Mehrwerths, verdanken wir Marx. Mit ihnen wurde der Sozialismus eine Wissenschaft, die es sich nun zunächst darum handelt, in allen ihren Einzelheiten und Zusammenhängen weiter auszuarbeiten.

скои доктрини, какъ прикладной частью, отвѣчаетъ на болѣе конкретные вопросы политической экономіи и даетъ спеціальное объясненіе капиталистической эпохи, а историческій материализмъ представляетъ собою болѣе широкую теорію общественно-историческаго процесса. Теорія прибавочной цѣнности болѣе важна, какъ опора социалистическихъ чаяній и научно-историческое оправданіе социалдемократической программы, а теорія историческаго материализма болѣе интересна въ философскомъ отношеніи и глубже всего вводитъ насъ въ систему социализма, какъ міровоззрѣнія. Соответственно задачамъ своего изслѣдованія, какъ труда историко-историческаго, мы болѣе внимательно остановимся ниже на историко-философской основѣ марксизма, но ранѣе отмѣтимъ основныя черты политико-экономическаго ученія марксизма съ примыкающей къ нему социально-политической доктрини, поскольку это необходимо для пониманія марксизма, какъ системы міровоззрѣнія, въ виду тѣсной связи въ этой системѣ той и другой теоріи.

Въ своемъ экономическомъ ученіи, въ частности, въ построеніи своей теоріи цѣнности Марксъ опирается на традиціи классической школы и особенно прочныя симпатіи, проглядывающія чрезъ всѣ наслоенія острой критики, проявляетъ въ отношеніи къ Рикардо ¹⁾. Но въ то время, какъ классическая политическая экономія была всецѣло „чистой“ политической экономіей, вырабатывала абстрактные законы, примѣняла исключительно дедуктивный методъ, исходила изъ неизмѣнныхъ свойствъ отвлеченнаго экономическаго чловѣка, Марксъ густо окрасилъ свои экономическія построенія историко-реалистическими тенденціями, вниманіемъ къ индивидуализирующимъ моментамъ въ социально-экономической жизни, признаніемъ внутренней необходимости историческихъ измѣненій. Съ этой стороны научный социализмъ входитъ въ русло того историко-реалистическаго направленія общественныхъ и историческихъ наукъ, которое утвердилось съ начала девятнадцатаго вѣка, какъ реакція противъ рационалистическихъ воззрѣній XVIII вѣка, и связано съ именами Тьерри, Гизо, Шлегеля, Шлеффермахера. Образовалась,

¹⁾ Въ чемъ убѣждаетъ и *Theorien über den Mehrwert II* = Теорія прибавочной цѣнности II ч. IV тома *Капитала*. Давидъ Рикардо.

частнѣе, историческая школа права, во главѣ которой стоятъ Савиньи и Пухта ¹⁾. Изъ философовъ этому направленію болѣе другихъ содѣйствовали Шеллингъ и особенно Гегель. Въ исторической школѣ уже отвергается идея естественнаго строя общества и естественныхъ правъ человѣка. Позитивный строй и позитивное право устанавливаются не произволомъ людей, но органически вырастаютъ изъ нѣдръ народнаго духа и изъ условій историческаго развитія народа, поэтому они не подлежатъ раціональной критикѣ съ точки зрѣнія естественнаго права, т. е. моральнаго сознанія, равно какъ не можетъ быть благотворнымъ и произвольное вмѣшательство управительствъ. Позитивный строй имѣетъ для себя оправданіе въ характерѣ народнаго духа, въ историческихъ условіяхъ, въ данномъ соотношеніи общественныхъ силъ. Взгляды исторической школы были перенесены и въ политическую экономію: это сдѣлали Рощеръ, Гильдебрандъ, Кншъ. По словамъ Бруно Гильдебранда, А. Смитъ и Рикардо исходили изъ того взгляда, что всѣ законы народнаго хозяйства, имѣющіе въ основѣ отношеніе человѣка къ вещественнымъ благамъ, стоятъ внѣ условій времени и пространства, что они сохраняются при всей измѣнчивости явленій: но они совершенно забываютъ, что человѣкъ, какъ существо общественное, всегда есть дитя цивилизаціи и продуктъ исторіи, и что его потребности, его образованіе, его отношенія къ вещественнымъ благамъ, равно какъ и къ людямъ, никогда не остаются тѣми же самыми, но какъ бываютъ различны географически, такъ и исторически непрерывно измѣняются, развиваясь вмѣстѣ со всею культурою человѣчества ²⁾. Рощеръ усвоитъ политической экономіи, какъ и каждой

¹⁾ См. проф. Новгородцева *Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба*

²⁾ *Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft*: Sie gehen von der Ansicht aus, dass alle Gesetze der Volkswirtschaft, weil sie in dem Verhältniss des Menschen zu den Sachgütern gegründet seien, über Zeit und Raum erhaben, bei allem Wechsel der Erscheinungen fest bleiben, und vergessen dabei gänzlich, dass der Mensch als sociales Wesen stets ein Kind der Civilisation und ein Product der Geschichte ist, und dass seine Bedürfnisse, seine Bildung, seine Beziehungen zu den Sachgütern wie zu den Menschen niemals dieselben bleiben, sondern sowohl geographisch verschieden sind, als auch historisch sich immer verändern und mit der gesammten Kultur des Menschengeschlechts fortschreiten.

наукѣ о народной жизни, психологическій характеръ: истинная національная экономика должна начинать глубокимъ изумленіемъ предъ громадною измѣнчивостью того, чего люди желали въ различныя времена отъ народнаго хозяйства. Измѣнчивость народно-хозяйственныхъ законовъ не есть зло, съ которымъ нужно было бы бороться; она похвальна и спасительна, поскольку она протекаетъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ перемѣнами въ самомъ народѣ и его потребностяхъ. Каждый изъ самыхъ разнообразныхъ идеальныхъ запросовъ можетъ быть въ правѣ, конечно, лишь для своего народа и своего времени, онъ сталъ бы должнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы изъявилъ притязаніе на общеобязательность. Одного общеобязательнаго хозяйственнаго идеала для народовъ такъ же не можетъ быть, какъ не можетъ быть подходящаго для всѣхъ платья по одной мѣрѣ¹⁾.

Среди сторонниковъ историческаго направленія социально-историческихъ наукъ Марксъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Онъ поставилъ политическую экономію на широкую историческую основу, хотя и ставилъ задачей этой науки отысканіе абстрактныхъ элементовъ хозяйственной жизни²⁾. Въ

¹⁾ *Grundlagen der Nationalökonomie (System der Volkswirtschaft I B.): Jede Wissenschaft vom Volksleben, so namentlich auch die unserige, ist psychologisch... Muss der echten Nationalökonomik (Staatswissenschaft, Rechtsphilosophie etc.) eine gründliche Verwunderung vorangehen über die ungeheuere Veränderlichkeit dessen, was die Menschen zu verschiedener Zeit von der Volkswirtschaft (vom Staate, Rechte etc.) begehrt haben... Ohne Zweifel sind alle volkswirtschaftlichen Gesetze und Anstalten um des Volkes willen da, nicht umgekehrt. Ihre Wandelbarkeit ist daher an sich durchaus kein Uebel, dessen die Menschheit vielleicht streben müsste Herr zu werden; sondern sie ist löblich und heilsam, insoferne sie den Umwandlungen des Volkes selbst und seiner Bedürfnisse genau parallel läuft. Die verschiedensten Idealschilderungen brauchen daher nicht nothwendig einander zu widersprechen. Eine jede von ihnen kann Recht haben, natürlich nur für ihr Volk, ihr Zeitalter; sie würde in diesem Fall nur dann irren, wenn sie sich als allgemein gültig hinstellen wollte. Es gibt ebenso wenig ein allgemein gültiges Wirtschaftsideal der Völker, wie ein allgemein passendes Kleidermass der Individuen.*

²⁾ Гильдебрандъ, Рошеръ, Книсъ составляютъ такъ называемую старо-историческую школу политической экономіи. По наблюденію историковъ политической экономіи (см. напр. проф. Симоненко *Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ*), старо-историческая

посмертной статьѣ *Einleitung zu einer Kritik der politischen Oeconomie* (Neue Zeit 1903) Марксъ критикуетъ основоположенія старой механической теоріи общества. Классическая политическая экономія исходила изъ понятія объ отвлеченномъ человѣческомъ индивидуумѣ, основныя свойства котораго положены самой природой, а не явились въ результатѣ историческаго развитія. Однако этотъ отдѣльный и изо-

школа не порывала связей со всѣмъ предшествующимъ развитіемъ экономической науки и признавала вѣрными большую часть естественныхъ законовъ народнаго хозяйства, раскрытыхъ школою Ад. Смита, особенно это можно сказать о Рошерѣ, который и самую науку политической экономіи опредѣляетъ какъ „ученіе о законахъ развитія народнаго хозяйства“. Этимъ старо-историческая школа отличается отъ ново-историческаго направленія, которое „не хочетъ знать никакихъ естественныхъ законовъ природы народнаго хозяйства. Оно останавливается исключительно на изученіи однихъ только разнообразныхъ условій, воздѣйствующихъ на народное благосостояніе въ различные періоды историческаго развитія и въ настоящее время у различныхъ народовъ, благодаря разнообразію общественной и государственной организаціи послѣднихъ, разнообразію принятыхъ обычаевъ, а равнымъ образомъ различію законодательства и задачъ, поставляемыхъ государствомъ въ его экономической политикѣ. Ново-историческое направленіе отвергаетъ, какъ ненужный балластъ, все то, что сдѣлано было до сихъ поръ экономической наукой въ дѣлѣ выясненія общихъ законовъ народнаго хозяйства. Представители этого направленія допускаютъ еще въ общемъ принципѣ громадное значеніе внѣшней природы въ народномъ хозяйствѣ, а потому и необходимость сообразоваться въ дѣлѣ хозяйственной техники съ ея требованиями и неизмѣнными законами. Что же касается какихъ бы то ни было непреложныхъ законовъ, вытекающихъ изъ психической природы человѣка, то существованіе таковыхъ совсѣмъ отвергается всѣми представителями ново-историческаго направленія на томъ основаніи, что психическая природа не есть что-либо постоянное, но всецѣло зависитъ отъ успѣховъ культурнаго развитія, по мѣрѣ которыхъ нравы становятся мягче, эстетическія требованія утонченнѣе, понятія о справедливомъ и несправедливомъ—болѣе вѣрными, религіозныя представленія болѣе возвышенными“. Иначе это направленіе называется социально-этическимъ, социалполитическимъ, также *Katheder—Socialisten*. Къ нему принадлежатъ Шмоллеръ, Шэффле, Вагнеръ (причисляющіи себя по вопросу о методѣ къ старо-исторической школѣ, высоко цѣнящій теоретическое направленіе классической школы), Брентано, Шенбергъ и др. Это направленіе, нынѣ господствующее (особенно въ Германіи)—о немъ въ нашемъ изслѣдованіи подробная рѣчь будетъ ниже—имѣетъ консервативный характеръ, марксизму враждебно (говоря вообще, при значительномъ разнообразіи въ этомъ отношеніи).

лированный охотникъ и рыбакъ, съ котораго начинали Смитъ и Рикардо, принадлежить къ безкуснымъ выдумкамъ XVIII столѣтїя. Истинной предпосылкой экономической науки можетъ быть только индивидуумъ, производящій въ определенной исторической формѣ общественной организаци. Чѣмъ глубже мы погружаемся въ изученіе исторїи, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что человѣческая личность является частью великаго социальнаго цѣлаго. Человѣкъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова есть животное общественное, и только въ извѣстныхъ социальныхъ условїяхъ онъ можетъ обособляться отъ общества, какъ отдѣльная, изолированная единица. Слѣдовательно, и отвлеченная человѣческая личность есть общественный продуктъ опредѣленныхъ, конкретныхъ человѣческихъ условїй. Производство, организованное изолированными индивидуумами, является такой же бессмыслицей, какъ развитіе языка безъ совмѣстной жизни людей. Если экономистамъ и удавалось, исходя изъ понятїя отвлеченной личности, построить цѣлую социальную систему, то это удавалось только благодаря тому, что классическій Робинзонъ былъ сыномъ промышленной Англїи, слѣдовательно, въ потенціи обладалъ всѣми свойствами культурнаго чело-вѣка 1).

Необходимо помнить, что Марксъ, ученикъ Савиньи и Гегеля, усвоилъ себѣ историко-реалистическое направленіе не въ его первоначальной формѣ, въ которой оно служило консервативной политикѣ, но пришелъ къ нему подъ давленіемъ

1) См. у Н. Н. Алексѣева. *Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношенїи ихъ методовъ* ч. 1. Къ этой очень хорошей книгѣ отсылаю читателя вообще по вопросу объ историчности теорїи марксизма. Примиряетъ г. Алексѣевъ объективирующія и индивидуализирующія тенденціи марксизма въ идеѣ социальныхъ законовъ, которые по формѣ своей естественно необходимы, но по содержанию своему—преходящи и измѣнчивы. Ср. сужденіе проф. Скворцова *Основанїя политической экономїи*: „Въ сороковыхъ годахъ, рядомъ съ оппонентами классической школы, выступаютъ представители школы, развивающей далѣе основныя положенїя Смита и Рикардо и пользующейся дедуктивнымъ методомъ для изслѣдованїя экономической жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждающей обширными историческими справками свои выводы. Общей чертою въ ученїи Маркса и Родбертуса является то, что они заявляютъ себя эволюционистами, т. е. признають, что экономическое развитіе и переходъ общества изъ одной стадїи въ другую совершается постепенно и въ силу необходимости“.

соціалистическихъ задачъ и использовалъ его въ революціонныхъ интересахъ, вслѣдствіе чего марксизмъ до самаго послѣдняго времени находится съ исторической школой политической экономіи въ болѣе или менѣе непріязненныхъ отношеніяхъ. Его предшественниковъ въ реалистическомъ истолкованіи дѣйствительности нужно скорѣе всего видѣть въ лицѣ утопистовъ Сень-Симона, Фурье, Луи Блана.

Историко-реалистическій методъ марксизма сказывается уже въ его политико-экономическомъ ученіи. Своему ученію о прибавочной цѣнности Марксъ ставитъ задачей историческое объясненіе капиталистическаго способа производства. Это разъяснено Энгельсомъ. „Старый соціализмъ, хотя и критиковалъ существующій капиталистическій способъ производства и его послѣдствія, не могъ, однако, объяснить его, а стало быть и покончить съ нимъ; онъ могъ только просто отрицать его, какъ негодный. А между тѣмъ дѣло было въ томъ, чтобы, съ одной стороны, представить этотъ капиталистическій способъ, какъ исторически обусловленный, необходимый для извѣстнаго историческаго періода, а стало быть и преходящій, съ другой же стороны, вскрыть внутреннюю его природу, которая все еще оставалась неизвѣстной, такъ какъ критика направлялась пока болѣе на его вредные результаты, чѣмъ на ходъ самаго развитія. Эта задача была рѣшена открытіемъ прибавочной цѣнности. Было доказано, что присвоеніе неоплаченнаго труда является основой капиталистическаго производства и происходящей при немъ эксплуатаціи рабочаго; что капиталистъ, даже въ томъ случаѣ, если покупаетъ рабочую силу по полной цѣнности, которую она обладаетъ на товарномъ рынкѣ, все-же извлекаетъ изъ нея большую цѣнность, чѣмъ та, которую онъ на нее затратилъ; и что эта прибавочная цѣнность въ послѣдней инстанціи образуетъ ту сумму цѣнности, изъ которой въ рукахъ имущихъ классовъ накапливается все растущая масса капиталовъ. Процессъ капиталистическаго производства и производства капитала былъ разъясненъ“.

Теперь мы изложимъ политико-экономическую теорію Маркса съ обоснованною на ней соціально-политическою доктриной— по первому тому *Капитала* съ дополненіями изъ иныхъ сочиненій Маркса, сохраняя, по возможности, его собственные слова.

Изложеніе теоріи. Богатство обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является „огромныхъ скопленіемъ товаровъ“.

Товаръ есть, прежде всего, ви́шній предметъ, вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ какую-либо человѣческую потребность.

Всякая полезная вещь, напр., желѣзо, бумага и т. д., можетъ быть разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія—качественной и количественной. Каждая такая вещь обладаетъ многими качествами и можетъ поэтому быть полезной въ различныхъ отношеніяхъ. Раскрытіе этихъ различныхъ сторонъ и вытекающихъ изъ нихъ многообразныхъ назначеній вещей есть продуктъ историческаго развитія. Такой же историческій характеръ носить и нахожденіе общественныхъ мѣръ для количественной стороны полезныхъ вещей.

Полезность какой-либо вещи дѣлаетъ ее потребительной цѣнностью (Gebrauchswert). Но эта полезность не виситъ въ воздухѣ: обусловленная свойствами самого товарнаго тѣла, она помимо него не существуетъ. Само товарное тѣло, напр., желѣзо, пшеница, алмазь, есть поэтому потребительная цѣнность, или благо, и это свойство его не зависитъ отъ того, много или мало человѣческаго труда потребовалось для присвоенія данныхъ потребительныхъ свойствъ. Когда рѣчь идетъ о потребительной цѣнности, предполагается всегда опредѣленное количество ея, напр., дюжина часовъ, аршинъ холста, тонна желѣза и т. д. Потребительныя цѣнности реализуются лишь въ пользованіи, или потребленіи. Онѣ образуютъ матеріальное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. При современной общественной формѣ онѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальными носителями мѣновой цѣнности.

Мѣновая цѣнность (Tauschwert) представляется, прежде всего, въ видѣ количественнаго отношенія, пропорціи, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода,—и это отношеніе постоянно мѣняется по мѣсту и времени.

Возьмемъ два товара, напр., пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, всегда можно составить уравненіе, въ которомъ данное количество пшеницы приравливается къ какому-либо количеству желѣза, напр., одинѣ

квартирь пшеницы $= a$ центнерамъ желѣза. Что же означаетъ это уравненіе? Что нѣчто общее одинаковой величины существуетъ въ двухъ различныхъ вещахъ, въ одномъ квартирѣ пшеницы и въ a центи. желѣза. Обѣ, слѣдовательно, равны порознь чему-то третьему, которое само по себѣ не есть ни то, ни другое. Каждая изъ этихъ двухъ вещей поэтому, поскольку она есть мѣновая цѣнность, можетъ быть приведена къ этому третьему.

Этимъ общимъ не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-либо иное естественное свойство товаровъ. Ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ ихъ полезными предметамъ, т. е. потребительными цѣнностями. Но, съ другой стороны, очевидно, что характернымъ для мѣнового отношенія товаровъ является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей. Въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько и всякая другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи. Какъ потребительныя цѣнности, товары имѣютъ, прежде всего, различныя качества, какъ мѣновыя цѣнности, они могутъ розниться лишь количествомъ и не заключаютъ въ себѣ поэтому ни одного атома потребительной цѣнности.

Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ остается только одно свойство, а именно то, что всѣ они — продукты труда. Но разъ мы оставляемъ въ сторонѣ потребительную цѣнность товара, мы, вмѣстѣ съ этимъ, отвлекаемся и отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ элементовъ и формъ, которые дѣлаютъ его потребительной цѣнностью. Это уже больше не столъ, домъ, пряжа или какая-либо другая полезная вещь; всѣ его доступныя чувственному воспріятію свойства улетучились. Это также больше не продуктъ столярнаго, плотничьяго, прядильнаго или какого-либо другого опредѣленнаго производительнаго труда. Когда продукты труда перестаютъ быть полезностями, то вмѣстѣ съ тѣмъ воплощенный въ нихъ разнообразный трудъ утрачиваетъ свой полезный характеръ, и, стало быть, различіе конкретныхъ формъ этого труда исчезаетъ: онѣ уже больше не отличаются другъ отъ друга, а всѣ сводятся къ равному человѣческому труду, выражаютъ абстрактный человѣческій трудъ.

Разсмотримъ теперь то, что постѣ всѣхъ этихъ отвлеченій

осталось въ продуктахъ труда. Отъ нихъ осталась только одна, общая имъ всѣмъ и какъ бы призрачная, сущность, простой сгустокъ безразличнаго человѣческаго труда, т. е. затрата человѣческой рабочей силы — безотносительно къ формѣ затраты. Всѣ эти вещи теперь выражаютъ собою лишь тотъ фактъ, что при ихъ производствѣ потрачена человѣческая рабочая сила, что въ нихъ накопленъ человѣческій трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей всѣмъ имъ общественной субстанции онѣ являются цѣнностями — товарными цѣнностями.

То общее, что выражается въ мѣновомъ отношеніи, или въ мѣновой цѣнности товаровъ, это—ихъ цѣнность. Потребительная цѣнность, или благо, имѣеть, согласно сказанному, цѣнность лишь потому, что въ ней осуществленъ, материализованъ, абстрактный человѣческій трудъ. Какъ же измѣрить величину этой цѣнности? Посредствомъ количества содержащейся въ ней „созидающей цѣнности субстанции“, т. е. труда. Самое же количество труда измѣряется продолжительностью его. Но какой же рабочей принимается за норму, лѣнивый или прилежный, искусный или неискусный? Трудъ, образующій субстанцію цѣнности, есть одинаковый человѣческій трудъ, затрата одинаковой человѣческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ товарныхъ цѣнностяхъ, разсматривается здѣсь, какъ одна и та же рабочая сила, хотя она состоитъ изъ безчисленнаго множества индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ представляетъ собою такую же человѣческую силу, какъ и всѣ другія, поскольку она обладаетъ характеромъ средней общественной рабочей силы и, какъ таковая, дѣйствуетъ, т. е. употребляетъ для производства какого-либо товара лишь среднее-необходимое, или общественно-необходимое рабочее время. Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или другой полезной вещи. Поэтому величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда, или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени. Каждый отдѣль-

ный товаръ считается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ даннаго рода товара. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленные количества застывшаго рабочаго времени.

Продукты потребленія дѣлаются товарами лишь потому, что они продукты частныхъ работъ, исполняемыхъ независимо одна отъ другой. Совокупность этихъ частныхъ работъ составляетъ общественный трудъ, какъ цѣлое. Такъ какъ производители входятъ во взаимныя общественныя отношенія только посредствомъ обмѣна своихъ произведеній, то и специфическій общественный характеръ ихъ частныхъ работъ проявляется лишь въ предѣлахъ этого обмѣна. Другими словами, частныя работы въ дѣйствительности осуществляются, какъ звенья общественнаго труда, лишь чрезъ отношенія, которыя обмѣнъ устанавливаетъ между продуктами труда и, посредствомъ этихъ продуктовъ, между самими производителями. Только въ процессѣ обмѣна продукты труда пріобрѣтаютъ общественно одинаковую объективную природу, выражающуюся въ ихъ цѣнности и отличную отъ ихъ разнообразной природы, получающей свое выраженіе въ полезности. Это раздвоеніе продукта труда на полезность и цѣнность на практикѣ проявляется только тогда, когда обмѣнъ пріобрѣлъ уже настолько крупныя размѣры и такое значеніе, что полезные предметы производятся прямо для обмѣна, т. е., что то свойство предметовъ, которое дѣлаетъ ихъ цѣнностями, принимается во вниманіе уже при самомъ ихъ производствѣ.

Товаръ не имѣетъ для товаровладѣльца никакой непосредственной потребительной цѣнности, иначе онъ не понесъ бы его на рынокъ. Товаръ даннаго товаровладѣльца имѣетъ потребительную цѣнность для другого. Для своего владѣльца непосредственно онъ имѣетъ потребительную цѣнность лишь постольку, поскольку является носителемъ мѣнновой цѣнности и, такимъ образомъ, можетъ служить средствомъ для обмѣна. Поэтому онъ хочетъ отдать его въ обмѣнъ за другой товаръ, потребительная цѣнность котораго удовлетворяетъ его потребности. Всѣ товары суть непотре-

бительныя цѣнности для ихъ владѣльцевъ и потребительныя цѣнности для ихъ невладеѣльцевъ. Поэтому они со всѣхъ сторонъ должны переходить изъ рукъ въ руки. Но этотъ переходъ изъ рукъ въ руки составляетъ ихъ обмѣнъ, а послѣдній ставитъ ихъ во взаимное отношеніе въ качествѣ цѣнностей и реализуетъ ихъ, какъ таковыя. Товары, слѣдовательно, должны реализоваться какъ цѣнности, прежде чѣмъ они могутъ реализоваться какъ потребительныя цѣнности.

Въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ каждый товаръ представляетъ собою непосредственное орудіе обмѣна для своего владѣльца, а для невладеѣльца—эквивалентъ, но лишь—постольку, поскольку онъ является для него потребительной цѣнностью. Предметъ обмѣна, слѣдовательно, не получаетъ еще никакой формы цѣнности, независимой отъ его собственной потребительной цѣнности, т. е. отъ индивидуальной потребности лицъ, совершающихъ обмѣнъ. Необходимость этой формы развивается только съ возрастаніемъ числа и разнообразія вступающихъ въ мѣновой процессъ товаровъ. Задача возникаетъ одновременно со средствами ея разрѣшенія.оборотъ, въ которомъ товаровладѣльцы обмѣниваютъ и сравниваютъ свои собственные предметы съ другими предметами, никогда не совершается безъ того, чтобы различные товары различныхъ товаровладѣльцевъ не обмѣнивались и не сравнивались въ качествѣ цѣнностей внутри даннаго оборота съ однимъ и тѣмъ же третьимъ товаромъ. Такой третій товаръ, становясь эквивалентомъ для различныхъ товаровъ, непосредственно, хотя и въ тѣсныхъ границахъ, пріобрѣтаетъ всеобщую, или общественную эквивалентную форму. Эта всеобщая эквивалентная форма, съ развитіемъ товарнаго обмѣна, связывается исключительно съ однимъ особеннымъ товаромъ, или кристаллизуется въ денежную форму.

Широко развитый обмѣнъ товаровъ дѣлаетъ необходимой всеобщую эквивалентную форму—деньги, т. е. какой-нибудь особенный родъ товаровъ—у насъ золото, серебро,—въ которомъ всѣ другіе товары выражаютъ свою цѣнность, на который вымѣниваются всѣ прочіе товары, который выражаетъ цѣнности товаровъ, какъ одноименныхъ величинъ, качественно равныхъ и количественно сравнимыхъ. Золото и

серебро въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ нѣдръ земли, тотчасъ же и фигурируютъ въ качествѣ непосредственнаго воплощенія всякаго человѣческаго труда. Вотъ источникъ магическихъ дѣйствій денегъ. Чисто атомистическія отношенія между людьми въ ихъ общественномъ процессѣ производства, а потому независимая отъ ихъ контроля и сознательной индивидуальной дѣятельности матеріальная форма ихъ собственныхъ производственныхъ отношеній, проявляются прежде всего въ томъ, что всѣ продукты человѣческаго труда принимаютъ форму товаровъ. Загадка денежнаго фетиша есть поэтому та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполне видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ.

Денежная форма товаровъ есть цѣна. Цѣна есть денежное названіе овеществленнаго въ товарѣ труда.

Поскольку мѣновой процессъ товаровъ переноситъ ихъ изъ рукъ, въ которыхъ они не суть потребительныя цѣнности, въ руки, въ которыхъ они суть потребительныя цѣнности, онъ представляетъ собою общественный обмѣнъ веществъ. Процессъ товарнаго обмѣна прекращается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ товаръ попадаетъ въ руки, въ которыхъ онъ есть потребительная цѣнность. Съ формальной стороны общественный обмѣнъ веществъ состоитъ въ перемѣнѣ формъ, или въ метаморфозѣ товаровъ. Когда товаръ обмѣнивается на золото, то онъ въ то же время мѣняетъ свою потребительную форму на форму цѣнности. Когда золото обмѣнивается на товаръ, то вмѣстѣ съ тѣмъ форма его мѣновой цѣнности превращается въ форму потребительной цѣнности. Ткачъ продаетъ 20 арш. холста и на вырученную сумму пріобрѣтаетъ библію, которая должна войти въ домъ ткача уже какъ потребительная цѣнность и тамъ удовлетворяетъ потребности въ душеспасительномъ чтеніи. Мѣновой процессъ, слѣдовательно, совершается въ двухъ противоположныхъ и другъ друга пополняющихъ метаморфозахъ: въ превращеніи товара въ деньги и въ обратномъ превращеніи денегъ въ товаръ. Моменты этого товарнаго метаморфоза представляютъ въ то же время сдѣлки товаровладѣльца: продажу—обмѣнъ товара на деньги; покупку—обмѣнъ денегъ на товаръ, и совокупность этихъ двухъ актовъ: продажу для покупки.

Мѣновой процессъ товаровъ происходитъ, слѣдовательно, въ видѣ такого измѣненія формы: Товаръ—Деньги—Товаръ. Т—Д—Т.

По своему матеріальному содержанію это движеніе есть Т—Т, обмѣнъ товара на товаръ, обмѣнъ продуктовъ общественнаго труда, результатомъ котораго исчерпывается самый процессъ.

Служа посредникомъ при обращеніи товаровъ, деньги пріобрѣтаютъ функцію средства обращенія.

Перемѣна формъ, въ которой совершается вещественный обмѣнъ продуктовъ труда, Т—Д—Т, обуславливаетъ то, что одна и та же цѣнность представляетъ, въ качествѣ товара, исходный пунктъ этого процесса и, какъ товаръ же, возвращается обратно къ этому самому пункту. Такимъ образомъ, это движеніе товаровъ является круговоротомъ. Денежная его форма, наоборотъ, исчезаетъ, какъ только его круговоротъ закончится. Она имѣетъ своимъ результатомъ постоянное отдаленіе денегъ отъ ихъ исходнаго пункта, а не возвращеніе ихъ къ нему. Форма движенія, непосредственно придаваемая деньгамъ товарнымъ обращеніемъ, состоитъ въ постоянномъ переходѣ ихъ изъ рукъ одного товаровладѣльца въ руки другого. Это и составляетъ обращеніе, или оборотъ денегъ.

Товарное обращеніе есть исходная точка капитала. Деньги, какъ деньги, и деньги, какъ капиталъ, сначала отличаются только своей различной формой обращенія.

Непосредственная форма товарнаго обращенія есть Т—Д—Т, превращеніе товара въ деньги и обратное превращеніе денегъ въ товаръ, продажа для покупки. Но рядомъ съ этой формой мы находимъ вторую, совершенно отъ нея отличную, форму Д—Т—Д, превращеніе денегъ въ товаръ и обратное превращеніе товара въ деньги, покупку для продажи. Деньги, которыя въ своемъ движеніи описываютъ этотъ послѣдній круговоротъ, превращаются въ капиталъ, становятся капиталомъ и уже по самому своему назначенію являются капиталомъ.

Форма обращенія Д—Т—Д, по результату процесса, заключается въ обмѣнѣ денегъ на деньги, Д—Д. Очевидно, что процессъ обращенія Д—Т—Д представлялся бы нелѣпо бессодержательнымъ, если бы этимъ обходнымъ путемъ об-

мѣнивалась одна сумма денегъ на такую же самую сумму, напр., 100 ф. ст. на 100 ф. ст. Одна сумма денегъ можетъ вообще отличаться отъ другой только своей величиной. Процессъ $D-T-D$ обязанъ своимъ содержаніемъ не качественному различію его крайнихъ членовъ, такъ какъ они оба—деньги, а только ихъ количественному различію. Въ результатъ этого процесса изъ обращенія извлекается больше денегъ, чѣмъ сколько ихъ было внесено въ обращеніе при началѣ операци. Хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., перепродается, напр., за $100+10$ ф. ст., или за 110 ф. ст. Полная форма этого процесса должна быть представлена, поэтому, слѣдующимъ образомъ: $D-T-D'$, гдѣ $D'=\Delta D$, т. е. равняется первоначально затраченной суммѣ плюсъ нѣкоторое приращеніе. Это приращеніе, или излишекъ сравнительно съ первоначальной цѣнностью Марксъ называетъ прибавочной цѣнностью (*Mehrwert, surplus-value*). Первоначально авансированная цѣнность такимъ образомъ не только сохраняется въ обращеніи, но въ обращеніи измѣняется также ея величина: къ ней присоединяется нѣкоторая прибавочная цѣнность, или она возрастаетъ. И это-то движеніе превращаетъ ее въ капиталъ.

Простое обращеніе товаровъ—продажа для покупки—служитъ средствомъ для достиженія конечной цѣли, лежащей внѣ обращенія, а именно для присвоенія потребительныхъ цѣнностей, т. е. для удовлетворенія потребностей. Обращеніе же денегъ, какъ капитала, наоборотъ, является цѣлью самоцѣлюющей, такъ какъ приемъ употребленія цѣнности происходитъ только внутри этого вѣчно возобновляющагося и равнаго себѣ движенія. Поэтому, движеніе капиталовъ ничѣмъ не ограничено.

Измѣненіе цѣнности денегъ, долженствующихъ превратиться въ капиталъ, не можетъ произойти въ нихъ самихъ, потому что, какъ покупательное и платежное средство, они реализуютъ только цѣну товара, который на нихъ покупаютъ, или за который ими платятъ, и въ то же время, сохраняя свою собственную форму, какъ бы застываютъ на подобіе окаменѣлости въ данной величинѣ цѣнности. Точно такъ же измѣненіе это не можетъ произойти изъ второго акта обращенія—перепродажи товара,—ибо этотъ актъ только превращаетъ товаръ изъ его естественной формы обратно въ

денежную форму. Измѣненіе должно, слѣдовательно, совершаться съ товаромъ, который покупается въ первомъ актѣ Д—Т, но не съ цѣнностью этого товара, такъ какъ обмѣниваются эквиваленты, т. е. товаръ оплачивается по его цѣнности. Измѣненіе, такимъ образомъ, можетъ произойти только изъ потребительной цѣнности этого товара, какъ таковой, т. е. изъ его потребления. Для того, чтобы извлекать изъ потребления товара цѣнность, нашъ владѣлецъ денегъ долженъ быть настолько счастливъ, чтобы открыть внутри сферы обращенія, на рынкѣ, такой товаръ, потребительная цѣнность котораго обладала бы особеннымъ свойствомъ рождать цѣнность, товаръ, дѣйствительное потребление котораго само было бы овеществленіемъ труда и, стало быть, созданиемъ цѣнности. И владѣлецъ денегъ дѣйствительно находитъ на рынкѣ такой специфическій товаръ—способность къ труду, или рабочую силу.

Для превращенія денегъ въ капиталъ владѣлецъ денегъ долженъ найти на товарномъ рынкѣ свободнаго рабочаго, свободнаго въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны, рабочій, являясь свободнымъ человѣкомъ, долженъ располагать своей рабочей силой, какъ своимъ собственнымъ товаромъ, съ другой стороны—у него не должно быть другихъ товаровъ для продажи, онъ долженъ быть свободнымъ отъ всего, свободнымъ отъ всякихъ предметовъ, необходимыхъ для овеществленія его рабочей силы.

Цѣнность рабочей силы, какъ и цѣнность всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства, а, слѣдовательно, и для воспроизведенія этого специфическаго товара. Поскольку она есть цѣнность, сама рабочая сила представляетъ только определенное количество овеществленнаго въ ней средняго общественнаго труда. Рабочая сила существуетъ только какъ способность живой личности человѣка. Производство первой, слѣдовательно, заранѣе предполагаетъ существованіе второй. Разъ живая личность налицо, производство рабочей силы состоитъ въ ея воспроизведеніи, въ ея восстановленіи, или въ поддержаніи ея жизни (и ея потомства). Для поддержанія своей жизни личность нуждается въ извѣстномъ количествѣ средствъ существованія. Рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится, та-

кимъ образомъ, къ рабочему времени, необходимому для производства этихъ средствъ существованія, или, другими словами, цѣнность рабочей силы есть цѣнность средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія жизни ея владѣльца (и его семьи). Естественныя потребности, напр., пища, одежда, отопленіе, квартира и т. д. различны, смотря по климатическимъ и другимъ естественнымъ особенностямъ страны. Съ другой стороны, и размѣры такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей такъ же, какъ и способъ ихъ удовлетворенія, представляютъ продуктъ историческаго развитія и обусловлены поэтому, по большей части, культурнымъ уровнемъ страны, а, стало быть, между прочимъ, существеннымъ образомъ опредѣляются и тѣмъ, при какихъ условіяхъ и, слѣдовательно, съ какими привычками и жизненными требованіями образовался классъ свободныхъ рабочихъ. Въ противоположность всѣмъ другимъ товарамъ, опредѣленіе цѣнности рабочей силы содержитъ, такимъ образомъ, въ себѣ элементы историческій и моральный. Но для опредѣленной страны и въ опредѣленный періодъ времени средній уровень необходимыхъ средствъ существованія является величиной данной.

Если предположить, что въ массѣ товаровъ, требующихся для производства рабочей силы среднимъ числомъ въ одинъ день, заключается 6 часовъ общественнаго труда, то въ рабочей силѣ ежедневно овеществляется полдня средняго общественнаго труда, или другими словами, половина рабочаго дня нужна для ежедневнаго производства рабочей силы. Это количество труда, требующееся для ежедневнаго производства рабочей силы, составляетъ дневную цѣнность ея, или цѣнность ежедневно возстановляемой рабочей силы. Если полдня средняго общественнаго труда выражается въ количествѣ золота въ 3 шиллинга или въ 1 талеръ, то одинъ талеръ есть цѣна, соотвѣтствующая дневной цѣнности рабочей силы. Если владѣлецъ рабочей силы продаетъ ее ежедневно за одинъ талеръ, то продажная цѣна рабочей силы равна ея цѣнности, и, по нашему предположенію, владѣлецъ денегъ, стремящійся къ превращенію своихъ талеровъ въ капиталъ, платитъ эту цѣнность.

Но прошедшій трудъ, заключающійся въ рабочей силѣ, и живой трудъ, который она можетъ выполнить, ея ежеднев-

ныя средства существованія и ея ежедневная трата—двѣ совершенно различныя величины. Первая опредѣляетъ ея мѣновую цѣнность, вторая составляетъ ея потребительную цѣнность. То обстоятельство, что для поддержанія жизни рабочаго въ продолженіе 24 часовъ нужно только полъ рабочаго дня, нисколько не мѣшаетъ ему работать цѣлый день. Цѣнность рабочей силы и ея эксплуатація въ процессѣ труда, слѣдовательно, двѣ различныя величины. Это различіе въ цѣнности капиталистъ и имѣлъ въ виду, когда покупалъ рабочую силу. Ея полезное свойство, ея способность производить пряжу или сапоги, было только *conditio sine qua non*: трудъ долженъ быть издержанъ въ полезной формѣ для того, чтобы образовать цѣнность. Рѣшающее значеніе имѣла здѣсь специфическая потребительная цѣнность этого товара, т. е. его способность быть источникомъ цѣнности, и притомъ—большаго количества цѣнности, чѣмъ та цѣнность, которую онъ самъ имѣетъ. Въ этомъ и заключается специфическая услуга, которой капиталистъ ждетъ отъ рабочей силы. И при этомъ онъ поступаетъ сообразно съ вѣчными законами товарнаго обмѣна. Въ самомъ дѣлѣ, продавецъ рабочей силы, какъ и продавецъ всякаго другого товара, реализуетъ ея мѣновую цѣнность, отчуждая ея потребительную цѣнность. Онъ не можетъ получить одной, не отдавая другой. Потребительная цѣнность рабочей силы, самый трудъ такъ же мало принадлежитъ продавцу ея, какъ потребительная цѣнность проданнаго масла—торговцу масломъ. Владѣлецъ денегъ уплатилъ дневную цѣнность рабочей силы; ему принадлежитъ поэтому потребленіе ея въ продолженіе одного дня, т. е. дневной трудъ. То обстоятельство, что дневное содержаніе рабочей силы стоитъ только полъ рабочаго дня, хотя рабочая сила можетъ дѣйствовать, т. е. работать, цѣлый день, что поэтому цѣнность, которую создаетъ ея потребленіе въ продолженіе одного дня, вдвое больше ея собственной цѣнности, составляетъ особенное счастье покупателя, но ни въ какомъ случаѣ не составляетъ несправедливости по отношенію къ продавцу. Въ этомъ и состоитъ эксплуатація рабочей силы капиталомъ, или рабочаго капиталистомъ.

Ту часть рабочаго дня, въ продолженіе которой рабочей силой производится только цѣнность своей рабочей силы, Марксъ

называетъ необходимымъ рабочимъ временемъ, а трудъ, потраченный въ это время,—необходимымъ трудомъ: необходимымъ для рабочаго, такъ какъ этотъ трудъ независимъ отъ общественной формы процесса труда; необходимымъ для капиталиста и капиталистическаго міра, такъ какъ постоянное существованіе рабочаго есть основа собственнаго бытія капитала. Второй періодъ процесса труда, въ теченіе котораго рабочій трудится уже за предѣлами необходимаго труда, хотя и стоитъ ему труда, траты рабочей силы, но не образуетъ для него, рабочаго, никакой цѣнности. Онъ образуетъ прибавочную цѣнность, которая даритъ капиталиста всею прелестью улыбки творенія, созданнаго изъ ничего. Эту часть рабочаго дня Марксъ называетъ прибавочнымъ рабочимъ временемъ (*Surplusarbeitszeit*), а потраченный въ теченіе этого времени трудъ—прибавочнымъ трудомъ (*Mehrarbeit, surplus labour*). Понимая цѣнность вообще, какъ застывшее рабочее время, какъ овеществленный трудъ, и прибавочную цѣнность онъ разсматриваетъ, какъ застывшее прибавочное рабочее время, какъ овеществленный прибавочный трудъ. Разныя общественно-экономическія формации, напр., рабское общество и общество, основанное на наемномъ трудѣ, отличаются другъ отъ друга лишь формой, въ которой этотъ прибавочный трудъ выжимается у непосредственнаго производителя. Если объ части рабочаго дня равны, то это значить, что работникъ работаетъ одну половину дня на себя, а другую половину на капиталиста.

Такъ Марксъ обосновываетъ то положеніе, что капиталъ есть овеществленіе чужого неоплаченнаго труда. И это образуетъ первую половину его экономической теоріи. На этомъ онъ, однако, не останавливается. Во второй половинѣ своей теоріи онъ пытается доказать, что въ нѣдрахъ капиталистическаго производства складываются условія грядущаго социалистическаго строя, что капиталъ самъ себя роетъ могилу, и что социалистическій строй будетъ неизбежнымъ слѣдствіемъ этого процесса. Въ качествѣ отдѣльныхъ звеньевъ въ эту теорію общественнаго развитія входитъ цѣлый рядъ частныхъ теорій.

Теорія накопленія (accumulation) и сосредоточенія (centralisation) капитала. Если прибавочная цѣнность не издерживается на личное потребленіе, а затрачивается и употребляется въ

видѣ капитала, то возникаетъ новый капиталъ и присоединяется къ прежнему. Такое превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ называется накопленіемъ капитала.

При товарномъ способѣ производства, при которомъ средства производства составляютъ собственность частныхъ лицъ, гдѣ рабочій поэтому или изолированно и самостоятельно производить товары или же, при отсутствіи средствъ для самостоятельнаго производства, продаетъ свою рабочую силу, какъ товаръ,—кооперация въ широкихъ размѣрахъ можетъ осуществиться только вслѣдствіе возрастанія индивидуальных капиталовъ, или по мѣрѣ обращенія общественныхъ средствъ производства и средствъ существованія въ частную собственность отдѣльныхъ капиталистовъ. Почва товарнаго производства допускаетъ производство въ широкихъ размѣрахъ только въ капиталистической формѣ. Нѣкоторое накопленіе капитала въ рукахъ индивидуальных товаропроизводителей составляетъ поэтому необходимую предпосылку специфически-капиталистическаго способа производства. Оно можетъ быть названо первоначальнымъ накопленіемъ, потому что оно есть не историческій результатъ специфически-капиталистическаго способа производства, а его историческое основаніе. Какъ бы оно ни произошло, но всѣ способы увеличенія общественной производительности труда, возникающіе на этой почвѣ, суть въ то же время способы для увеличенія производства прибавочной цѣнности, или прибавочнаго продукта, который служитъ образовательнымъ элементомъ накопленія. Эти способы, слѣдовательно, являются въ то же время способами производства капитала при помощи капитала, или способами его ускореннаго накопленія. Непрерывное превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ выражается въ возрастающей величинѣ капитала, вступающаго въ процессъ производства. Оно становится въ свою очередь основаніемъ для производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ, для сопровождающихъ его способовъ увеличенія производительности труда и для ускоренія производства прибавочной цѣнности. Если, такимъ образомъ, извѣстная степень накопленія капитала является условіемъ специфически-капиталистическаго способа производства, то послѣдній, въ свою очередь, обуславливаетъ болѣе быстрое накопленіе капитала. Съ накопленіемъ капитала развивается, та-

кимъ образомъ, специфически-капиталистическій способъ производства, а со специфически-капиталистическимъ способомъ производства развивается накопленіе капитала.

Поскольку капиталисть представляет олицетворенный капиталъ, побудительнымъ мотивомъ его дѣйствій служить не потребительная цѣнность и потребление, а мѣновая цѣнность и ея увеличеніе. Какъ фанатикъ возрастанія цѣнности, онъ безпощадно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства. Въ этой своей роли онъ раздѣляетъ съ собирателемъ сокровищъ абсолютную жажду обогащенія. Но что у того является индивидуальной маніей, то у капиталиста есть дѣйствіе общественнаго механизма, въ которомъ онъ составляетъ только одно колесо. Кромѣ того, развитіе капиталистическаго производства дѣлаетъ необходимымъ постоянное увеличеніе капитала, вложеннаго въ промышленное предпріятіе, а конкуренція повелительно диктуетъ каждому индивидуальному капиталисту законы, присущіе капиталистическому способу производства, какъ высшіе принудительные законы. Она принуждаетъ его постоянно расширять свой капиталъ, чтобы сохранить его, увеличивать же его онъ можетъ только посредствомъ прогрессивнаго накопленія.

Каждый изъ отдѣльныхъ капиталовъ, изъ которыхъ складывается общественный капиталъ, представляетъ болѣе или менѣе значительную концентрацію средствъ производства и соотвѣтственно болѣшую власть капиталиста надъ большею или меньшею арміей рабочихъ. Каждое накопленіе становится средствомъ новаго накопленія. Умножая количество богатства, дѣйствующаго въ видѣ капитала, накопленіе увеличиваетъ концентрацію этого капитала въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, а слѣдовательно, расширяетъ условія для производства въ большихъ размѣрахъ и для специфически-капиталистическаго способа производства.

Это—накопленіе (*accumulation*) капитала и концентрація средствъ производства. Эту теорію можно было бы назвать *die rein technische Konzentrationstheorie* (вслѣдъ за нѣкоторыми излагателями *Kapitala*).

Отъ этого накопленія и концентраціи нужно отличать сосредоточеніе (централизацию) капитала (*die socialökonomische Konzentrationstheorie*). Эта теорія (вторая половина общей

теоріи накопленія и сосредоточенія капитала) состоитъ въ слѣдующемъ.

Возрастаніе общественнаго капитала совершается посредствомъ возрастанія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. При прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, каждый изъ этихъ отдѣльныхъ капиталовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и концентрація средствъ производства, возрастаетъ соразмѣрно съ тѣмъ, какую часть общественнаго капитала онъ образуетъ. Въ то же время являются отпрыски первоначальнаго капитала, которые, отдѣлившись отъ него, дѣйствуютъ какъ новые самостоятельные капиталы. Большую роль при этомъ играетъ, между прочимъ, раздѣлъ имущества въ семействахъ капиталистовъ. Поэтому съ накопленіемъ капитала болѣе или менѣе возрастаетъ число капиталистовъ. Два обстоятельства характеризуютъ этотъ родъ концентраціи, непосредственно покоящейся на накопленіи, или даже тождественный съ нимъ. Во-первыхъ, возрастаніе концентраціи общественныхъ средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограничивается степенью возрастанія общественнаго богатства. Во-вторыхъ, часть общественнаго капитала, вложенная въ каждую отдѣльную отрасль производства, раздѣляется между многими капиталистами, которые противостоятъ другъ другу, какъ независимые и другъ съ другомъ конкурирующіе товаропроизводители. Итакъ, мы видимъ, что не только накопленіе и сопутствующая ему концентрація раздробляется и происходитъ въ одно и то же время на многихъ пунктахъ, но и возрастаніе функционирующихъ капиталовъ сопровождается образованіемъ новыхъ и раздробленіемъ старыхъ. Накопленіе является, такимъ образомъ, съ одной стороны, растущею концентраціей средствъ производства и растущимъ господствомъ надъ трудомъ, съ другой стороны—взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ.

Этому раздробленію всего общественнаго капитала на многіе индивидуальные капиталы, или взаимному отталкиванію его составныхъ частей, противодѣйствуетъ ихъ притяженіе. Это уже не простая концентрація средствъ производства, тождественная съ накопленіемъ, не простое господство надъ трудомъ. Это концентрація образовавшихся уже капиталовъ, уничтоженіе ихъ индивидуальной самостоятель-

ности, экспроприация капиталиста капиталистомъ, превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функционирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественнаго богатства, или абсолютными границами накопленія. Въ одномъ мѣстѣ капиталъ накапливается въ однихъ рукахъ въ громадныхъ массахъ, потому что въ другихъ мѣстахъ онъ исчезъ изъ многихъ рукъ.

Конкуренція заставляетъ удешевлять товары. Дешевизна же товаровъ зависитъ, *caeteris paribus*, отъ производительности труда, которая въ свою очередь зависитъ отъ размѣровъ производства. Крупные капиталы побиваютъ поэтому мелкіе. Сверхъ того, съ развитіемъ капиталистическаго способа производства возрастаетъ минимальный размѣръ отдѣльнаго капитала, потребный для веденія дѣла при нормальныхъ условіяхъ. Поэтому мелкіе капиталы вытѣсняются въ тѣ сферы производства, въ которыхъ крупная промышленность встрѣчается только спорадически, или которыми она еще не вполне овладѣла. Конкуренція свирѣдствуетъ здѣсь въ прямомъ отношеніи къ числу и въ обратномъ отношеніи къ величинѣ соперничающихъ капиталовъ. Она всегда оканчивается гибелью многихъ мелкихъ капиталистовъ, капиталы которыхъ частью переходятъ въ руки ихъ побѣдителя, частью исчезаютъ.

По мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое производство и накопленіе, развиваются также конкуренція и кредитъ—эти два могущественнѣйшіе рычага централизаціи, сосредоточенія капитала. Вместе съ тѣмъ прогрессъ накопленія увеличиваетъ матеріаль для централизаціи, т. е. отдѣльные капиталы, между тѣмъ какъ расширение капиталистическаго производства создаетъ, съ одной стороны, общественную потребность, съ другой—техническія средства для тѣхъ громадныхъ промышленныхъ предпріятій, проведеніе которыхъ связано съ предыдущимъ сосредоточеніемъ капитала. Въ настоящее время поэтому сила взаимнаго притяженія отдѣльныхъ капиталовъ и тенденція къ централизаціи сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Если даже относительные размѣры и энергія движенія въ направленіи къ централизаціи въ

извѣстной степени опредѣляются достигнутой уже величиной капиталистическаго богатства и степенью совершенства экономическаго механизма, то прогрессъ сосредоточенія отнюдь не зависитъ отъ положительнаго возрастанія общественнаго капитала. И это-то именно и отличаетъ централизацию отъ концентраціи, составляющей лишь иное выраженіе расширеннаго воспроизведенія. Централизція можетъ происходить путемъ простаго измѣненія распредѣленія существующихъ уже капиталовъ, вслѣдствіе простаго измѣненія въ количественной группировкѣ составныхъ частей общественнаго капитала. Капиталь можетъ здѣсь возрасти до огромныхъ размѣровъ въ однѣхъ рукахъ, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ ускользнулъ изъ многихъ рукъ. Въ данной отрасли промышленности централизція достигла бы своихъ крайнихъ предѣловъ въ томъ случаѣ, если бы все затраченные на нее капиталы слились въ одинъ единичный капиталъ. Въ какомъ-нибудь данномъ обществѣ предѣлы эти были бы достигнуты лишь въ тотъ моментъ, когда весь общественный капиталъ соединился бы въ рукахъ какого-нибудь одного капиталиста или въ рукахъ какого-нибудь одного общества капиталистовъ.

Централизція довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширять размѣры своихъ операций. Очевидно, однако, что накопленіе очень медленная процедура въ сравненіи съ централизацией, которая нуждается лишь въ томъ, чтобы измѣнить количественную группировку интегральныхъ составныхъ частей общественнаго капитала.

Процессъ накопленія и сосредоточенія влечетъ за собою важныя отрицательныя стороны промышленной жизни—кризисы и обнищаніе рабочихъ.

Кризисы. До тѣхъ поръ, пока машинное производство расширяется въ какой-либо отрасли промышленности на счетъ ремесленнаго или мануфактурнаго, успѣхъ его настолько же вѣренъ, насколько вѣрна, положимъ, побѣда арміи, вооруженной игольчатыми ружьями, надъ арміей стрѣлковъ изъ лука. Этотъ первый періодъ, когда машина только начинаетъ завоевывать себѣ сферу дѣйствія, имѣетъ важное, рѣшающее значеніе, въ виду чрезвычайной прибыли, которая производится при помощи машинъ. Эта прибыль не только сама

но себѣ образуетъ источникъ ускореннаго накопленія, но еще постоянно притягиваетъ къ особо прибыльной сферѣ производства крупную долю добавочнаго общественнаго капитала, постоянно вновь образующагося и ищущаго новыхъ помѣщеній. Особенности преимущества перваго періода „бури и натиска“ повторяются въ тѣхъ отрасляхъ производства, куда вновь вводятся машины. Но какъ только фабричная система достигла въ своемъ развитіи извѣстной широты и извѣстной зрѣлости; какъ только ея техническая основа, т. е. машины, производятся машиннымъ же способомъ; какъ только въ добываніи угля и желѣза, а также въ способѣ обработки металловъ и въ транспортномъ дѣлѣ произошелъ переворотъ; вообще, какъ только созданы общія условія производства, соответствующія крупнои промышленности,—съ этого момента машинный способъ производства пріобрѣтаетъ извѣстную эластичность, способность къ быстрому расширенію, предѣлы которому ставятся лишь сырымъ матеріаломъ и рынкомъ сбыта.

Эта громадная, дающая себя знать въ толчкахъ, растяжимость фабричнаго производства и его зависимость отъ міроваго рынка необходимо порождаютъ лихорадочную производительность и слѣдующее за производственной горячкой переполненіе рынковъ, сокращеніе которыхъ парализуетъ производство. Промышленная жизнь, такимъ образомъ, превращается въ послѣдовательный рядъ періодовъ средняго оживленія, процвѣтанія, перепроизводства, кризиса и застоя. Небезпеченность и неустойчивость, которымъ машинное производство подвергаетъ трудъ, а слѣдовательно, и судьбу рабочаго, дѣлаются нормальными, когда наступаетъ эта періодичность промышленнаго цикла.

Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, постоянно его повторяютъ, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ это движеніе поперемяннаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его. Дѣйствія, въ свою очередь, становятся причинами, и различныя перипетіи всего процесса, который постоянно воспроизводитъ свои собственныя условія, принимаютъ форму періодичности. Но только съ того момента, какъ машинное производство, пустивъ достаточно глубокіе корни, стало оказывать подавляющее вліяніе на все національное производ-

ство; какъ, благодаря ему, внѣшняя торговля начала преобладать надъ внутренней; какъ міровой рынокъ послѣдовательно присоединилъ къ себѣ обширныя территоріи въ Новомъ Свѣтѣ, въ Азін и въ Австраліи; какъ, наконецъ, число отдѣльныхъ промышленныхъ націй, вступившихъ на арену международной экономической борьбы, стало довольно значительнымъ,—только съ этого момента начались повторяющіеся циклы, фазы которыхъ обнимаютъ цѣлыя годы, и которые упираются всегда въ общій кризисъ, завершающій одинъ циклъ и являющійся отправной точкой для другого. Для настоящаго времени періодъ этихъ цикловъ составляетъ 10—11 лѣтъ, но нѣтъ никакого основанія считать эту величину постоянной. Наоборотъ, слѣдуетъ предположить, что она измѣняется, и что продолжительность цикловъ будетъ постепенно сокращаться.

Кризисы свидѣтельствуютъ, что современное буржуазное общество, создавшее столь могущественныя средства производства и обмѣна, подобно магу, не умѣющему справиться съ вызванными имъ же самимъ подземными силами. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ отношеній собственности, которая является условіемъ существованія для буржуазіи и ея господства. Каждый кризисъ систематически уничтожаетъ не только массу уже созданныхъ продуктовъ, но и значительную часть самихъ производительныхъ силъ. Общество поражаетъ эпидемія, которая показала бы нелѣпостью во всякую другую историческую эпоху,—эпидемія перепроизводства. Общество вдругъ возвращается къ состоянію варварства; можно было бы предположить, что голодъ или истребительная война лишили его всѣхъ средствъ существованія; кажется, будто вся его промышленность и торговля окончательно погибли. А почему? Потому, что общество обладаетъ излишкомъ цивилизаціи, избыткомъ средствъ существованія, излишне развитою промышленностью и торговлею. Производительныя силы, которыми оно располагаетъ, уже не только не способствуютъ развитію буржуазныхъ отношеній собственности, но, напротивъ, стали слишкомъ могучи для этихъ отношеній, которыя для нихъ превращаются въ путы: и всякій разъ.

когда общественнымъ производительнымъ силамъ удается освободиться отъ этихъ путъ, это освобожденіе сопровождается потрясеніемъ всего общественного строя и угрожаетъ существованію буржуазной собственности. Буржуазный строй оказывается слишкомъ тѣснымъ для того, чтобы вмѣщать богатства, созданныя въ его же нѣдрахъ.

Обнищаніе рабочихъ. Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функционирующій капиталъ, размѣры и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше также абсолютная величина пролетаріата и производительная сила его труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, развивается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ и сила расширенія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ вмѣстѣ съ силами, въ которыхъ заключается богатство. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ значительнѣе постоянный избытокъ населенія, или тѣ слои рабочихъ, нищета которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ тягости ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше инвалидовъ и пр., этихъ Лазарей рабочаго населенія, и, вообще, чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше оффиціальныи пауперизмъ. Это абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.

Механизмъ капиталистическаго производства и накопленія самъ постоянно приспособляетъ число рабочихъ къ потребностямъ самовозрастанія капитала. Первое слово этого приспособленія—созданіе относительнаго перенаселенія, или промышленной резервной арміи, и послѣднее слово—нищета все большихъ и большихъ слоевъ активной рабочей арміи и тянущая внизъ гиря пауперизма. Законъ, по которому все большая и большая масса средствъ производства можетъ, благодаря прогрессу производительности труда, приводиться въ движеніе все съ меньшей и меньшей затратой человѣческой силы—этотъ законъ на капиталистической почвѣ, гдѣ не рабочій управляетъ орудіями труда, а орудія труда управляютъ рабочимъ, выражается въ томъ, что чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ больше давленіе рабочихъ на ихъ средства занятія, тѣмъ неустойчивѣе поэтому условія ихъ существованія, основа которыхъ—прода-

жа собственной силы для увеличенія чужого богатства, или для самовозрастанія капитала. Такимъ образомъ, болѣе быстрое возрастаніе средствъ производства и производительности труда, чѣмъ производительнаго населенія, въ капиталистическомъ обществѣ выражается, наоборотъ, въ томъ, что рабочее населеніе постоянно растетъ быстрѣе, чѣмъ потребности самовозрастанія капитала.

При капиталистической системѣ примѣненіе всѣхъ способовъ увеличенія общественной производительной силы труда происходитъ на счетъ индивидуальнаго рабочаго. Всѣ средства къ развитію производства превращаются въ средства господства надъ производителемъ и эксплуатаціи его; они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него получеловѣка, унижаютъ его, превращая его въ придатокъ машины; уничтожая утомительность труда, они вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняютъ его содержаніе, отчуждаютъ отъ рабочаго духовныя силы процесса труда въ той же мѣрѣ, въ какой наука соединяется съ этимъ послѣднимъ на правахъ самостоятельной силы; они уродуютъ условія, въ которыхъ рабочій трудится, подчиняютъ его во время процесса труда самому мелочному, злобнопридирчивому деспотизму, превращаютъ всю его жизнь въ рабочее время, бросаютъ его жену и дѣтей подъ джаггернаутову колесницу капитала. Но всѣ способы производства прибавочной цѣнности являются вмѣстѣ съ тѣмъ и способами накопленія, всякое же расширение накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала положеніе рабочаго должно ухудшаться, будетъ ли плата его высока или низка. Наконецъ, законъ, который всегда поддерживаетъ равновѣсіе между относительнымъ избыткомъ населенія, или промышленной резервной арміей, и размѣромъ и энергіей накопленія, сильнѣе приковываетъ рабочаго къ капиталу, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Законъ этотъ обусловливаетъ накопленіе нищеты, соответствующее накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть, слѣдовательно, въ то же самое время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала.

Всѣ существовавшія до сихъ поръ формы общественнаго строя покоились на антагонизмѣ угнетающаго и угнетаемаго класса. Но, чтобы угнетать какой-либо классъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, обезпечить ему такія условія существованія, которыя позволяли бы ему жить въ рабствѣ. Въ цвѣтушую эпоху феодализма крѣпостному удавалось сдѣлаться гражданиномъ городской общины, а эмбриональный буржуа среднихъ вѣковъ сдѣлался настоящимъ буржуа подъ игомъ феодальнаго абсолютизма. Современный рабочий, напротивъ, не только не возвышается съ прогрессомъ промышленности, но все ниже и ниже опускается, опускается даже ниже жизненнаго уровня своего собственнаго класса. Рабочій впадаетъ въ нищету, нищета растетъ еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна выполнять роль правящаго класса и возводить условія своего классоваго существованія въ высшій законъ, управляющій всѣмъ обществомъ. Она не можетъ править потому, что неспособна обезпечить существованіе своему рабу, даже въ условіяхъ его подневольной жизни, потому, что она заставляетъ его опуститься до такого положенія, при которомъ ей самой приходится кормить его, а не кормиться отъ него. Общество не можетъ болѣе существовать подъ господствомъ буржуазіи, иными словами, ея существованіе не совмѣстимо болѣе съ существованіемъ общества.

Теорія соціальной революціи (soziale Revolution), или теорія крушенія (Zusammenbruchstheorie, Zusammenbruchshypothese). Идея соціальной революціи кратко выражена въ *Zur Kritik der politischen Oekonomie*—во введеніи. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, что служитъ лишь юридическимъ выраженіемъ ихъ, съ отношеніями собственности, среди которыхъ они до тѣхъ поръ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ путы. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи ⁶⁾.

¹⁾ Auf einer gewissen Stufe ihrer Entwicklung geraten die materiellen Produktivkräfte der Gesellschaft in Widerspruch mit den vorhandenen Produktionsverhältnissen, oder, was nur ein juristischer Ausdruck dafür

О дѣятеляхъ грядущей соціальной катастрофы, пролетаріатъ, Марксъ говоритъ въ *Коммунистическомъ манифестѣ*. Пролетаріатъ готовится къ своей роли обнищаніемъ и озлобленіемъ противъ угнетателей. Но этого мало. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что пролетаріатъ, представляя собою неизбежное дѣтище крупной промышленности, вслѣдствіе самаго прогресса промышленности—объединяется. Самымъ основнымъ условіемъ существованія класса буржуазіи и его господства является накопленіе богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, образованіе и возрастаніе капитала. Капиталъ же не можетъ существовать безъ наемнаго труда. Но самый фактъ существованія наемнаго труда возможенъ лишь при господствѣ конкуренціи въ средѣ рабочихъ. Прогрессъ промышленности, пассивнымъ и безсознательнымъ агентомъ котораго является буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкуренціи ихъ объединеніе путемъ ассоціаціи. Такимъ образомъ, съ развитіемъ крупной промышленности у буржуазіи ускользаетъ изъ-подъ ногъ та почва, на которой зиждутся ея имущественныя отношенія и ея способъ присвоенія. Буржуазія производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбежны.

Пролетаріатъ проходитъ различныя фазы развитія. Его борьба противъ буржуазіи начинается со дня его появленія на свѣтъ. Сначала борьба ведется поодиночкѣ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, затѣмъ рабочими одной и той же фабрики, наконецъ рабочими одной и той же профессіи въ данной мѣстности противъ того буржуа, который непосредственно ихъ эксплуатируетъ. Они не довольствуются борьбой противъ одного только буржуазнаго способа производства, но и направляютъ свою борьбу противъ орудій производства: они уничтожаютъ заграничные товары, съ которыми имъ приходится конкурировать, разбиваютъ машины, поджигаютъ фабрики и стараются отвоевать назадъ потерянную

ist, mit den Eigentumsverhältnissen, innerhalb deren sie sich bisher bewegt hatten. Aus Entwicklungsformen der Produktivkräfte schlagen diese Verhältnisse in Fesseln derselben ein. Es tritt dann eine Epoche sozialer Revolution ein.

позицію средневѣковаго ремесленника. На этой ступени развитія прелетаріатъ представляетъ собой несвязную массу, разсѣянную по всей странѣ и разъединенную конкуренціей. Если рабочіе иногда объединяются, чтобы дѣйствовать сплоченной массой, то это является результатомъ не ихъ самостоятельнаго объединенія, но объединенія буржуазіи, которая для достиженія своихъ политическихъ цѣлей должна приводить въ движеніе весь пролетаріатъ, и которой въ данный моментъ это можетъ еще удаваться. На этой ступени развитія рабочіе сражаются еще не со своими собственными врагами, но съ врагами своихъ враговъ, т. е. съ остатками абсолютной монархіи, поземельными собственниками, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Между тѣмъ, съ развитіемъ промышленности пролетаріатъ не только численно растетъ, но и концентрируется въ болѣе значительныхъ массахъ; растетъ сила пролетаріевъ, и они начинаютъ сознавать эту силу. Интересы и условія существованія пролетаріевъ все болѣе и болѣе выравниваются, по мѣрѣ того, какъ машина сглаживаетъ всякія различія разныхъ видовъ труда и приводитъ заработную плату почти повсюду къ одинаково низкому уровню. Вслѣдствіе все усиливающейся конкуренціи между самими буржуа и порождаемыхъ ею торговыхъ кризисовъ заработокъ становится все болѣе и болѣе невѣрнымъ; непрерывное совершенствованіе машинъ дѣлаетъ положеніе рабочаго все болѣе и болѣе шаткимъ; индивидуальныя столкновенія между рабочимъ и буржуа принимаютъ все въ большей и большей степени характеръ столкновеній между двумя класами. Рабочіе начинаютъ образовывать коалиціи для борьбы противъ буржуа съ цѣлью поддержанія даннаго уровня заработной платы. Они доходятъ даже до образованія постоянныхъ ассоціаций, предвидя эту случайную борьбу. Мѣстами борьба эта переходитъ въ открытыя возстанія. Иногда рабочимъ удается одержать побѣду, но эта побѣда бываетъ эфемерна. Дѣйствительнымъ результатомъ ихъ борьбы является не столько непосредственный успѣхъ, сколько ростъ солидарности рабочихъ. Укрѣпленію чувства солидарности способствуетъ усовершенствованіе путей сообщенія, позволяющее рабочимъ различныхъ областей завязывать сношенія другъ съ другомъ. А одного простаго соприкосновенія бываетъ уже достаточно

для того, чтобы превратить борьбу рабочихъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, повсюду имѣющихъ одинъ и тотъ же видъ, въ національную борьбу, въ борьбу классовую. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. Съ этого времени непосредственною цѣлью всѣхъ фракцій пролетаріата становится—организация пролетаріевъ въ классовую партію, лишеніе буржуазинъ господства, приобрѣтеніе пролетаріатомъ политической власти.

Послѣдній актъ будущаго социальнаго переворота, крушенія капиталистическаго строя и наступленія социалистическаго государства, Марксъ яркими красками рисуетъ въ *Капиталѣ*, какъ историческую тенденцію капиталистическаго накопленія.

Историческій генезисъ капитала означаетъ только экспроприацию непосредственнаго производителя, разложеніе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ.

Частная собственность, какъ противоположность общественной, коллективной собственности, существуетъ только тамъ, гдѣ орудіе труда и внѣшнія условія труда принадлежатъ частнымъ лицамъ. Но сообразно тому, являются ли эти частныя лица рабочими или нерабочими, и частная собственность носить различный характеръ. Безконечно многообразныя оттѣнки, которые она представляетъ на первый взглядъ, суть только отраженія переходныхъ состояній, лежащихъ между этими двумя крайностями.

Частная собственность рабочаго на средства его производства составляетъ основаніе мелкаго производства, мелкое же производство является необходимымъ условіемъ развитія общественнаго производства и свободной индивидуальности самого рабочаго. Правда, этотъ способъ производства существуетъ также и въ рамкахъ рабства, крѣпостного строя и другихъ отношеній зависимости. Но онъ процвѣтаетъ, развиваетъ всю свою энергію, приобрѣтаетъ вполне классическую форму только тамъ, гдѣ рабочій является свободнымъ частнымъ собственникомъ своихъ условій труда, которыя онъ самъ пускаетъ въ ходъ, крестьянинъ—собственникомъ земли, которую онъ обрабатываетъ, ремесленникъ—собственникомъ орудій, съ которыми онъ справляется, какъ виртуозъ съ инструментомъ.

Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе

земли и другихъ средствъ производства. Онъ исключаетъ какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацію, т. е. онъ не допускаетъ раздѣленія труда внутри одного и того же процесса производства, общественнаго господства надъ природою и управленія ея силами, свободного развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ очень узкими, стихійными рамками производства и общества. Увѣковѣчить его значило бы „декретировать всеобщую посредственность“. На извѣстной ступени своего развитія онъ самъ порождаетъ матеріальныя средства своего уничтоженія. Съ этого момента внутри общества пробуждаются силы и страсти, которыя онъ сковываетъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ уничтожается. Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальных и разрозненныхъ средствъ производства въ концентрированныя и общественныя, т. е. мелкой собственности многихъ въ крупную собственность немногихъ, отнятіе средствъ существованія и орудій труда у народныхъ массъ; эта ужасная и трудная экспропріація народной массы составляетъ доисторическій періодъ въ жизни капитала. Она объемлетъ собою цѣлый рядъ насильственныхъ способовъ. Экспропріація непосредственныхъ производителей совершается съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ, подъ дѣйствіемъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ грязныхъ, самыхъ мелочнозлыхъ страстей. Частная собственность, добытая собственнымъ трудомъ и знаменующая собой, такъ сказать, сращеніе индивидуальнаго независимаго производителя съ условіями его труда, вытѣсняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого, но формально свободного труда.

Послѣ того, какъ этотъ процессъ преобразованія уже достаточно въ глубь и въ ширь разложилъ старое общество, и рабочіе оказались превращенными въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда—въ капиталъ, послѣ того, какъ капиталистическій способъ производства сталъ уже на собственные ноги,—дальнѣйшее обобществленіе (*Vergesellschaftung, socialisation*) труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ средства производства, общественно эксплуатируемыя, т. е. сообща примѣняемыя, иными словами, дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ облекается въ новую форму. Теперь подлежитъ экспро-

пріаціи уже не рабочей, ведущій самостоятельное хозяйство, но капиталистъ, эксплуатирующій многихъ рабочихъ.

Эта экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, посредствомъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ постоянно побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этой централизацией, или экспропріацией многихъ капиталистовъ немногими, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развивается кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое приложеніе науки, планомѣрная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ быть прилагаемы только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства благодаря употребленію ихъ, какъ средствъ комбинированнаго, общественнаго труда; наконецъ, совершается вовлеченіе всѣхъ народовъ въ сѣть мірового рынка и, такимъ образомъ, устанавливается международный характеръ капиталистическаго режима. вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства. Монополія капитала превращается въ путы для дальнѣйшаго развитія того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея господствомъ. Централизація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой точки, на которой они становятся несомвѣстимыми со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются.

Капиталистическій способъ присвоенія, вытекающій изъ капиталистическаго способа производства, и, стало быть, капиталистическая частная собственность есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это — отрицаніе отрицанія. Оно составляетъ не частную собственность, но индивидуальную

собственность на основѣ всѣхъ приобрѣтеній капиталистической эры, т. е. коопераціи свободныхъ работниковъ и владѣнія ими сообща средствами производства, въ томъ числѣ и землю.

Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей, въ капиталистическую есть, конечно, процессъ несравненно болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ превращеніе капиталистической собственности, фактически основывающейся уже на общественной эксплуатаціи средствъ производства,—въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспроприаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь дѣло идетъ объ экспроприаціи немногихъ узурпаторовъ народомъ.

М. Таръевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
